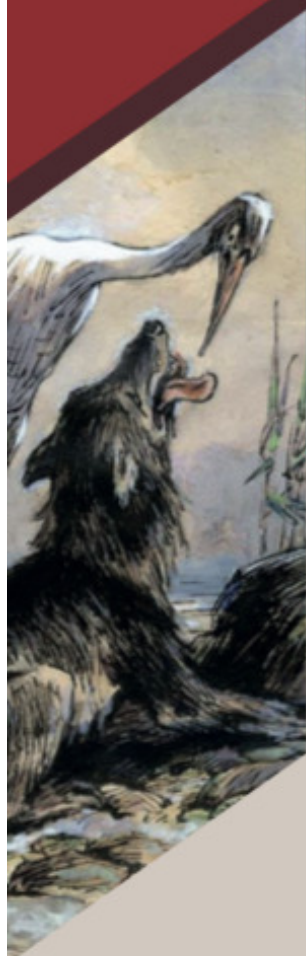

Культурология
Русского
мира _____

А.В. Каменец

ДУХОВНО- НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

в баснях И.А. Крылова

Культурология Русского мира

Александр Каменец

**Духовно-нравственная культура
в баснях И.А. Крылова**

"Квант Медиа"

2022

УДК 82-191
ББК 83.3(2=411.2)

Каменец А. В.

Духовно-нравственная культура в баснях И.А. Крылова /
А. В. Каменец — "Квант Медиа", 2022 — (Культурология
Русского мира)

ISBN 978-5-9216-0359-2

Предлагаемое издание представляет собой культурологические комментарии к басням И.А. Крылова. В нем затрагивается широкий круг тем и вопросов, которые могут представлять интерес как для массового читателя, так и для исследователей, педагогов, широкого круга специалистов, имеющих отношение к изучению современных проблем личности и общества. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-191
ББК 83.3(2=411.2)

ISBN 978-5-9216-0359-2

© Каменец А. В., 2022
© "Квант Медиа", 2022

Содержание

Волк и журавль	7
Ворона и лисица	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Владленович Каменец

Духовно-нравственная культура

в баснях И.А. Крылова

© Каменец А.В., 2022

© Оформление. ООО «Квант Медиа», 2022

Волк и журавль

*Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
Зато на одного из них пришла беда!
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шее
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большою
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь! – зверь вскричал коварный, —
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».*

Комментарий

Многие существующие в обществе «волки» привыкают поглощать все, что попадает им на пути без всякого разбора, подвергая себя неизбежному риску проглотить то, что они не способны проглотить. Тогда возникает угроза их гибели от того, что всеядность этих хищников может обернуться против них т. к. они привыкли не соизмерять свои возможности поглощения других с тем, смогут ли они усвоить содержимое поглощаемого.

В иносказательном смысле это стремление проглотить чуждые идеи, мысли, достижения других людей. В результате они давятся этим избыточным содержанием. Поскольку хищнические инстинкты этих особей плохо ими же осмысляются, то они постоянно «нарываются» на ситуации, которые даже могут представлять для них угрозу т. к. чуждое содержание, поглощаемое в избытке, ими уже не «переваривается». А не «переваренное» содержание приводит к гибели их как самостоятельных личностей, к безумию, неадекватности и т. д.

Это касается и усвоения «волками» материальных благ. Безудержное стремление к всё большему потреблению этих благ может вызывать массу побочных эффектов в виде ожирения, болезней, потере разума, зависимости от постоянного безудержного потребления и т. д. Поэтому самый главный риск «волчьего» поведения заключается в неумении вовремя остановиться в своем потреблении всё новых благ и ресурсов.

Помочь таким «волкам» могут только те, кто способен с помощью своей головы (разума) избавиться волкам от этих излишеств. Почему эти излишества неизбежно наносят вред волкам? Потому что волчья суть заключается в том, что она может полноценно существовать, только уничтожая другие жизни т. к. является хищной по своей природе. Им это до поры до времени сходит с рук, пока им не попадает тот, которого невозможно проглотить. В данном

случае волку попалась слишком костлявая жертва. Аллегория здесь состоит в том, что в проглатываемой волком жертве оказался тот материал, который оказался неудобным для глотания т. е. то социальное, культурное содержание, которое волк не смог освоить. Идеальным вариантом для волков являются мягкие, податливые, пушистые, не имеющие клыков, когтей, слишком больших костей жертвы. Поэтому, чтобы уцелеть в условиях угрозы волков, необходимо по тем или иным признакам оказаться для волков несъедобными т. е. иметь свойства, которые не позволяют их проглотить волкам. Среди этих свойств должны быть те, которые невозможно поглотить «волкам». Это то, что не питает силу волков, а делает их беспомощными. Здесь следует выделить, прежде всего, самостоятельный ум, который, как правило, волкам недоступен. Их инстинкты достаточно примитивны – поглотить чужую жизнь (в человеческом обществе это фигуральное выражение в виде поглотить чужое время, идеи, способности и т. д.), для получения быстрых осязаемых благ. Соответственно «высшие материи» «волкам» недоступны, как и реальные результаты любого интеллекта, творчества и т. д.

Поэтому главной защитой от «волков» является самостоятельная жизнь, предполагающая умение пользоваться своими (а не чужими) способностями т. к. нельзя украсть талант, чужое умение, ум. Можно утащить только материальные их результаты.

Ошибка журавля состояла в том, что он решил помочь волку, используя собственную голову и клюв т. е. те свои возможности, которых лишен волк, чтобы получить вознаграждение от того, кто по своей природе не способен быть благодарным. «Волки» привыкли всё захватывать даром, используя собственные физические и другие ресурсы хищников. Служить «волкам» – дело неблагодарное. Они не только неблагодарны, но еще могут и «съесть» своих благодетелей, лишив последних необходимых жизненных благ, ресурсов, а то и самой жизни.

Впрочем, и сам журавль склонен за любые свои деяния ожидать вознаграждений, что невыполнимо в полной мере потому, что чаще всего призывают к помощи тех, кто не собирается реально благодарить в той или иной форме за такую помощь, предпочитая использовать других для своих нужд. Более того, выясняется, что, постоянно ожидая вознаграждения за свои деяния, можно также нарваться не просто на чью-то неблагодарность, а на реальную опасность нападения со стороны тех, кому была оказана помощь.

Дело в том, что сами «волки» очень не любят показывать свою зависимость от тех, кто им помогает (моральную, материальную). В соответствии с их волчьей моралью они никому ничего не должны. Должны только им. Если они нарушат этот принцип, то это будет означать потерю «волками» собственной идентичности, в соответствии с которой их должны бояться, а не любить. Волк, которого любят и не боятся, уже не волк. Ведь волк изначально не должен давать повода, чтобы его любили, т. е. не быть добрым, благодарным, бескорыстным, заботливым и т. д.

Отсюда можно сделать важный вывод – гораздо безопасней оказывать помощь бескорыстно, чем на условиях вознаграждения т. к. достаточно много «людей-волков», которые могут существовать, только захватывая чужое без каких-либо позывов к ответной благодарности. Они не обучены последней, находясь исключительно в эгоистической позиции. Поэтому и нельзя «класть голову в пасть» волку. Может и откусить.

Нужно ли помогать «волку» в беде? Или он этого не заслуживает? Вопрос риторический. Нужно, но при этом помнить, что ни в коем случае нельзя давать понять «волку», что он чем-нибудь тебе обязан. Он этого не любит. Ведь стоит ему даже намекнуть на желательность благодарности, как он это воспримет как указание, что он показал себя слабым в каком-то отношении, нуждающимся в чьей-то помощи, а это для волчьего нрава неприемлемо.

Не надо также и по своей воле, добровольно помогать волку, когда он этого не просит. Он готов получать помощь только в том случае, если он «загнан в угол» и уже не может обойтись без этой помощи. Волк всегда должен сохранять «свое лицо» как независимого, сильного,

грозного по отношению к остальным, как особь, которая в принципе не может попасть в положение слабого, нуждающегося в помощи.

Эта гордыня, проиллюстрирована известным персонажем М. Булгакова в виде высказывания о том, что никогда ни у кого не надо ничего просить – сами, если надо дадут. Внедряемая в наше общество индивидуалистическая мораль, по своей сути, сплошь и рядом порождает таких волков и тех, кто пытается им небескорыстно служить. Но здесь не следует ожидать адекватной благодарности от «волков» в обществе, где особой доблестью считается воспользоваться доверчивостью «лохов», утащить то, что тебе не принадлежит, почувствовав себя «хозяином жизни».

В духе волчьей морали распространено выражение: «Я никому ничего не должен». Логичным было бы продолжение: «Тогда и мне никто ничего не должен». На самом деле, у «волков» не так: «Зато мне все должны». «Волки» незримо привязаны к своим жертвам и без них жить не могут. В общем – слабые существа.

Ворона и лисица

*Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.*

*Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели,
сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньиная с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.*

Комментарий

Басня начинается с морали И. А. Крылова:

*«Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок».*

Таким образом, баснописец с самого начала указывает на ту ситуацию, которая будет далее описана. По мнению И. А. Крылова, это – ситуация лести. Причем здесь же эта ситуация оценивается как неустраняемая в реальном обществе. Если принять эту точку зрения, то тогда эта басня нам ничего не даст для борьбы с льстецами и ситуациями, которые ими создаются. Следовательно, мы должны в известной мере возразить великому баснописцу; рассмотреть возможность победы над лестью, которая осталась в басне нереализованной, но могла бы

реализоваться при ином поведении персонажей басни. Для этого последующий текст басни должен быть рассмотрен одновременно в двух планах: «идеальном» и «физическом», а именно – как «идеальная» возможность избегания лести и как свершившаяся «физическая» данность обмана лестью, описанная И. А. Крыловым:

*«Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.»*

Исходная ситуация басни, оцениваемая как «идеальная» и «физическая» выглядит следующим образом: Вороне случайно попало некоторое материальное, жизненно важное благо («сыр»). Причем «физическое» пришло из «идеального», «трансцендентного» («бог послал»), лежащего за границей реального мира Вороны, не включенного изначально в реальный опыт Вороны. Сама Ворона живет сначала как «реалист», находится сначала в сугубо физическом мире, используя случайно доставшийся ей реальный жизненный ресурс («физический объект») в виде сыра.

А дальше Ворона начинает вести себя чрезвычайно «странно»: взгромоздясь почему-то на ель, она вместо того, чтобы «позавтракать», «позадумалась, а сыр во рту держала». Ворона оказывается одновременно в двух пространствах – «физическом» (возможный прием пищи) и «идеальном» (думы вороны, существование в «идеальном» времени). Причем она не реализует себя ни в одном из этих пространств (сыр не потребляется, мысли не выражены – «позадумалась»). Это ситуация ожидания перед выбором в сторону «физического» (сыр) или «идеального» (оформленность мыслей), ситуация шаткого временного равновесия «идеального» и «физического». «Равновесное» состояние Вороны неожиданно нарушает Лиса, выводя Ворону из ее «оцепенения»:

*«На ту беду, Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, – Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:»*

В отличие от Вороны Лиса однозначно ориентирована только на достижение материального блага («сыр»). Но для достижения этого блага Лиса начинает входить в «идеальный» образ поклонника Вороны, чтобы завуалировать свои намерения. «Идеальное» у Лисы здесь служит «физическому» для изъятия реального жизненного ресурса у Вороны. Далее идет известный «лисий» дифирамб внешним достоинствам Вороны и ее возможным голосовым данным в соответствии с придуманной Лисой неотразимостью Вороны. Причем особо выделяется то достоинство Вороны (голос), от которого зависит получение Лисой жизненного ресурса. «Идеальный» образ Вороны, сконструированный Лисой, развернут таким образом непосредственно в сторону получения конкретного материального блага (это и есть, возможно, универсальный механизм лести).

В результате:

*«Вещунына с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова*

*Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр вытал – с ним была плутовка такова.»*

Характерно, что Ворона здесь представлена как «вешунья», что означает «предсказательница». В народных легендах и сказках вороны изображаются в виде веших птиц («веший ворон»). Сама «предсказательница» оказалась жертвой чужого лживого предсказания (предсказывание в басне Лисой Вороне судьбы великой певицы).

Почему Ворона оказалась обманута? Потому что оказалась в маргинальной ситуации «реалиста-мечтателя». Уже владея жизненным благом, Ворона им не удовлетворилась, сконцентрировалась на идеальных мечтах, «идеальном» образе певицы, включенной в «идеальную» деятельность (пение). Результат – потеря Вороной как материального блага, так и недостижимость идеальной карьеры певицы.

Базовой моделью социального поведения Лисы является «практицизм» («Лисицу сыр пленил»). Она реализует свою функцию энергетической аккумуляции на основе прошлого опыта своих «лисьих» хитростей и четко планирует свои действия в стремлении «добыть сыр». План ее действий направлен на лесть Вороне, вуалирующей истинные намерения Лисы. Для этого Лиса включает вторую модель социального поведения (принимает «роль»), которую можно квалифицировать как «спектакль». Причем это спектакль играется Лисой в школе «театра представления» («головой»), вовлекая Ворону в спектакль «театра переживания» («сердцем»). Это еще один план взаимодействия «физического» (рационального) и «идеального» (эмоционального – у Вороны голова «вскружилась»). Причем «спектакль», организованный Лисой, рассчитан на конкретный адрес – Ворону.

Это означает, что Лиса убедительно разыгрывает роль «идеального» поклонника Вороны, безоговорочно ею восхищенного. За счет чего эта роль становится убедительной? За счет наличия конкретной, жизненно важной для Лисы цели, а также наличия изощренной фантазии в достижении этой цели. При этом налицо умение завязывать «нужные» контакты для достижения выгоды, свойственное реалистической практицистской модели социального поведения. Эта модель органично трансформируется в желание «понравиться» Вороне в виде «вторичной» («идеальной») модели «спектакля». Сама эта трансформация может оцениваться как умение нравиться окружающим в качестве одного из решающих условий в достижении материальных выгод. Происходит, таким образом, своеобразное «оборачивание» практицизма в идеальный, театральный план.

При этом у Лисы сохраняется и эгоцентризм, позволяющий ей внутренне дистанцироваться от своей роли, чтобы не «заиграться» (вполне в духе «театра представления»), не поверить самой в реальность роли искреннего льстеца, действовать предельно рационально и целенаправленно. Связка у Лисы моделей «практицизм» – «спектакль» демонстрирует способность этого персонажа социализировать свой собственный эгоизм как правило для других. В басне себялюбивая Лиса предлагает Вороне больше любить себя (здесь скрытый образец для Вороны сама «себялюбивая» Лиса). Поэтому и роль Лисы становится убедительной. Лиса сохраняет в роли ту органичную часть себя («себялюбивы»), которая позволяет ей играть убедительно, «естественно». Один «эгоцентрик» в результате перехитрил другого «эгоцентрика».

Выбор Лисой модели «спектакля» оказался эффективным и по той причине, что он позволил ей сохранить позицию «хозяина положения», ведущего свою игру без оглядки на чье-либо мнение, что вполне соответствует роли актера. Выбор этой модели дал также возможность Лисе вести себя достаточно разнообразно, раскованно, непредсказуемо, как это свойственно любой актерской игре. Лиса, таким образом, выстраивает собственную «рампу», «зрительный зал», аккумулируя в себе творческое вдохновение для убедительного вранья.

Опыт поведения Лисы позволяет сделать следующие выводы, значимые для социальных взаимодействий:

1. Проявления любви, симпатии, восхищения могут стать одним из основных механизмов эффективного социального поведения, основанного на достижении личной выгоды. Эти проявления тем убедительней, чем больше являются отражением любви к себе. Здесь происходит своеобразная проекция себялюбия льстеца на субъекта, которому льстят, признаются в симпатии. Тот же, кому льстят, является для льстеца просто исходным «материалом» для создаваемого «произведения искусства» в виде идеального образа «псевдокумира». Соответственно, чем более неформальные взаимоотношения акторов эстетизированы и театрализованы в реальном социуме в виде признания любви друг к другу, тем выше вероятность, что, как минимум, один из акторов использует другого в собственных практических интересах.

2. При установке на практицизм неизбежно профанируется позиция самооценности нравственно-эстетических ценностей, если последние являются формой реализации стремления к личной выгоде. Но может возникнуть вторичный эстетический эффект от веры имитатору этих ценностей со стороны жертвы. Возникает новая эстетика («эстетика мошенничества»). Здесь сами обманутые «производят» спектакль обмана в не меньшей мере, чем сами обманщики. Создается эффект сиюминутной иллюзии и своеобразно катарсиса «простофиль», позволяющий в реальности пережить «недостижимое», имеющее часто социально-терапевтический эффект. Таким образом и Ворона получила нечто от взаимодействия с Лисой – временное наслаждение от придуманной для нее роли певички.

3. Одной из неизбежных «экологических издержек» мошеннического поведения является потеря мошенником возможности искреннего чувствования (мошенник не должен «жалеть» своих жертв). Происходит «машинизация» межличностного взаимодействия мошенника с обманутыми и постепенное накопление психологической усталости у обманщика от демонстрации «искренности» своим жертвам. В результате выбранная «маска» льстеца «прирастает» к «лицу» его носителя и он становится не просто действующим лицом, а профессиональным актером, всё время остающимся в портале сцены, но не в реальной жизни. Он остается «слишком персонажем», но не соучастником реальной драмы жизни. Такова трагическая плата за лицемерие и алчность (у Лисы, как правило, нет истинных друзей).

4. Лиса встраивается в реальное пространство Вороны («вертикаль») и строит идеальное пространство внутри этого пространства – увеличивает имеющееся пространство Вороны еще дальше (увеличивает высоту общественного положения Вороны – ее вертикальное пространство). Лиса тратит свою физическую энергию (лесть Вороне) и увеличивает идеальную (желание самоутвердиться в обществе) энергию Вороны. Лиса преобразует реальное время в идеальное время Вороны (Ворона пренебрегает значимостью настоящего, реального времени во имя будущего, идеального времени – будущей славы). Лиса демонстрирует свое равнодушие к реальной вещи, объекту (к сыру), но зато показывает Вороне будущие перспективы владения идеальным благом (славу певички, которая может принести ей и новые материальные блага – например, подношения почитателей ее таланта). Сама же Лисица овладевает физическим объектом объектом (сыром).

Таким образом, в этом взаимодействии выигрывает тот, у кого инициатива в построении идеальной реальности. Причем эта инициатива направлена на овладение физической реальностью. Соответственно проигрывает тот, кто не способен к развитию собственной идеальной реальности и пользуется построенной для него другими идеальной новой реальностью (живет «чужим умом»). В такой ситуации проигрывающий в результате терпит вполне реальный, материальный ущерб.

5. Еще один важный вывод. Действующее лицо становится восприимчивым к той или иной идеальной реальности в том случае, если он уже принял часть этой реальности в собственную ментальность до встречи с другим действующим лицом. В случае с Вороной это выражено в глаголе «позадумалась». О чем можно думать, когда сыр уже во рту? Значит, Вороне мало иметь сыр. Вместо того, чтобы его съесть, она думает о чем-то даже более значимом, чем име-

ющийся сыр. Лесть Лисы, которую принимает Ворона, доказывает, что Ворона уже в определенной степени жаждала прославиться и лесть пала на благодатную почву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.